

Аполлон Григорьев

**Листки из рукописи
скитающегося софиста**

Аполлон Григорьев

**Листки из рукописи
скитающегося софиста**

«Public Domain»

Григорьев А. А.

Листки из рукописи скитающегося софиста / А. А. Григорьев —
«Public Domain»,

«Руки ваши горячи – а сердце холодно». Да! может быть, это и правда: молод и стар в одно и то же время, моею теперешнею жизнью я догоняю только жизнь духа, которая ушла уже далеко, далеко. Все что я ни чувствую – я уже все это перечувствовал давно жизнью снов, жизнью воображения. Все это я знаю наизусть – и вот что скучно. Измученный лихорадочною жизнью снов, я приношу в жизнь действительную одно утомление и скуку...

Содержание

XX	5
XXI	7
XXII	8
XXIII	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Аполлон Григорьев

Листки из рукописи скитающегося софиста

XX

Я вышел из дому в шесть часов и уж конечно не с тем намерением, чтобы прямо явиться туда: избави боже! Взял извозчика и отправился в Знаменский переулок¹... .. «Руки ваши горячи – а сердце холодно». Да! может быть, это и правда: молод и стар в одно и то же время, мою теперешнюю жизнь я догоняю только жизнь духа, которая ушла уже далеко, далеко. Все что я ни чувствую – я уже все это перечувствовал давно жизнью снов, жизнью воображения. Все это я знаю наизусть – и вот что скучно. Измученный лихорадочною жизнью снов, я приношу в жизнь действительную одно утомление и скуку.

В половине девятого я был там. Первый вопрос *Нины*:² «Вы одни?»... Меня обдало холодом, страшным холодом. Я солгал, разумеется, сказавши, что заезжал к Кав«елин»у и что он нынче быть никак не может; я не сделал этого – но отчего? Неужели от мелкой ревности? а ведь почти так, если не хуже. Ее вопрос сделал меня глупым на целый вечер... Если я ошибся? если я для нее то же, что Кав«елин»? Если это страдание, эта болезнь внутренняя, которая грызет ее, – не мое создание?... Но тогда к чему же все наши странные разговоры, в которых не доставало только ясно сказанного слова признания? *Faut-il que je sois dupe?*...

Наехало много народу, – весь почти этот круг, которому я так страшно чужд, в котором так возмутительно ложно мое положение. Что общего между ними и мною? Все общее основано на обмане, на ожидании от меня чего-то в их роде... Боже мой! кто бы заставил меня выносить это положение клиентства, если бы, подвергаясь всевозможному нравственному унижению, я не надеялся на несколько минут разговора с нею?... Еще одно: зачем дано мне видеть все это, зачем во мне нет *suffisance*?³... Я сам знаю, что я становлюсь невыносим моей хандрою, моей гордой неловкостью, всем, всем. – *Vous êtes bien triste aujourd'hui*,⁴ – заметила мне Лидия.⁵ «*Comme à l'ordinaire*»...⁶

Приехал *Щепин*⁷ – и начался музыкальный вечер, т. е. Нина, бледная и расстроенная, села за климперкастен,⁸ а *Щепин* со скрипкой поместился подле нее. Мне это было невыносимо смешно и досадно, досадно на всю эту комедию, в которой такое искреннее участие принимали Матушка⁹ и Никита,¹⁰ – досадно на нее, что в ней есть жалкое самолюбие, досадно на себя за то, что мне досадно. Я стал [против нее] у печки и смотрел на нее прямо, с самою злою иронией. Лидия подошла ко мне и попросила перейти на другое место; я стал у двери. Началось: интродукция дуэта Осборна и Берно прошла благополучно, но в вариациях она сбилась.

¹ *Знаменский переулок* – московские Малый Знаменский пер. (ныне ул. Маркса и Энгельса) или Большой Знаменский пер. (ныне ул. Грицевец); Г., очевидно, поехал в одно из «злачных» заведений в переулке.

² *Нина* – Антонина Федоровна Корш.

³ самодовольства (*франц.*).

⁴ Вы сегодня очень печальны (*франц.*).

⁵ *Лидия* – Лидия Федоровна Корш.

⁶ Как всегда (*франц.*).

⁷ *Щепин* – возможно, Николай Михайлович Щепкин (1820–1886), сын известного артиста.

⁸ *Климперкастен* – дешевый, плохой рояль (от нем. *Klimperkasten* – брешчащий ящик).

⁹ *Матушка* – мать Антонины и Лидии, Софья Григорьевна Корш.

¹⁰ *Никита* – Никита Иванович Крылов, муж Любови Федоровны, урожденной Корш, сестры Антонины и Лидии.

Я не мог удержаться от невольной улыбки, которую мать, кажется, заметила, к несчастью, – да и в самом деле, это было не только невыносимо, но даже неприлично... Когда она кончила – и совершенно смущенная ушла в другую комнату, мне было нисколько не жаль ее. Потом она воротилась, и я начал смеяться над ее смущением: *Non! ce n'est pas de pareils triumphes qu'il Vous faut... Laissez les à m-lle Aslanovitsch...*¹¹ Все остальное время вечера прошло благополучно. Только за ужином мне было по обыкновению гадко и неловко до невозможности: я сидел подле Никиты Ивановича и должен был рассуждать о чем-то – когда мне, право, было не до рассуждений, – когда мне было все гадко и ненавистно, кроме этой женщины, которую люблю я страстью бешеной собаки. Дядя¹² еще не спал, когда я воротился домой, потому что недавно приехал из клуба, и мы говорили с ним долго, только не об этом вечере, о котором сказал я слова два, не больше, а об моих семейственных отношениях. Это наш вечный разговор...

Чем все это кончится?

Мне хотелось, глубоко хотелось молиться, но кому – и об чем? *Fatum*¹³ – одно *Fatum*, которое опутало меня какими-то безысходными сетями, которое с такою страшною постепенностью вело меня к этому состоянию трагической иронии.¹⁴ Да! религия моя, как и религия целого современного общества, – просто религия Одина,¹⁵ религия борьбы с сознанием падения, религия страдания беспредельного, стремления бесцельного во имя человеческого благородства и величия.

¹¹ Нет! не такие триумфы нужны вам... Оставьте их мадемуазели Асланович... (*франц.*).

¹² Дядя – брат отца, Николай Иванович Григорьев.

¹³ Судьба, фатум (*лат.*).

¹⁴ Учение об иронии было развито немецкими романтиками (бр. Шлегели, Гофман), творчество которых Г. Хорошо знал. Но трагический акцент и «стремление бесцельное» (т. е. не способное дать какого-либо практического результата) «во имя человеческого благородства и величия» сближает эти мысли Г. с идеями датского философа С. Киркегора, его современника, творчество которого тогда за пределами Дании совсем не было известно.

¹⁵ Религия Одина – Г. истолковывает языческую мифологию древних германцев в романтическом духе, явно модернизируя ее содержание и идеалы.

XXI

Образчик цеховой деликатности.¹⁶ Когда я зашел нынче к m-me K<or>sch после обеда – там был Н. И.¹⁷ Между прочим, он спросил меня: званы вы к Крюкову? – нет! «Да! ведь я и забыл – что он держится аристократических убеждений – и у него только профессора»... Что было отвечать на это?... Не знаю – по крайней мере, я не сказал того, что вчера Крюков звал меня обедать и я не поехал... Теперь вопрос: на чем основано мое отношение с К<рыловым>? Не принимают ли меня *par grâce*?¹⁸ Нина не совсем здорова – при мне приезжал доктор Брок. Я ушел скоро.

¹⁶ *Образчик цеховой деликатности.* – Г. иронизирует над «цеховой» (как бы средневековой) замкнутостью круга университетских профессоров.

¹⁷ *Н. И.* – Н. И. Крылов.

¹⁸ из милости (*франц.*).

XXII

Нынче был день рождения Любовь Федоровны: поутру я, как следует, был с поздравлением. «Что же вечерком-то – я чай, будете?» – Как же-с.

По обыкновению – бездна народу, весь круг цеховых.¹⁹ Я пришел поздно, в половине девятого, но все не позже Кавелина. Нина села, как это бывает часто, на козетке в спальне. Забавнее всего то, что когда человек что-нибудь знает за собою, ему кажется, что и все это непременно знают. Кавелин говорит с ней свободно, садится подле нее и не отходит целый вечер – а я с каждым днем глупею и глупею до невыносимости. Какими-то тактическими маневрами я наконец пробрался туда и стал против нее, стараясь придать своему положению и тону как можно более равнодушия и спокойствия. Мы говорили о вздоре, между прочим об Коат-вен – Сю;²⁰ и но что с нею? ее так видимо грызет глубокое, невыносимое страдание. Приехал Кавелин: так свободен, так непринужден, так умен... Поговоря несколько минут с m-me Korsch, он перешел к нам и очень спокойно сел против нее. Потом он почти заставил ее пересесть на свое место, как более далекое от окна: отчего же я не догадался об этом прежде?... Для чего я так глупо создан, что не могу совладеть с тяготящею меня хандрою?... Софья Куманина беспрестанно говорила со мною, и я почти молчал, как идиот, – и это положение вольной и вместе невольной глупости было мне до бесконечности тяжело. Да – я сказал раз и повторяю теперь, что только две вещи – гений и богатство могли бы закрыть, сделать сносною уродливость моего характера... Скучать оттого, что имеешь что-нибудь, – *c'est comme il faut du moins*,²¹ но скучать и хандрить от чувства ложности своего положения, но знать это, но думать, что другие, что, наконец, эта женщина знает это, – боже мой – это невыносимо. Моя страсть к ней дошла до последней степени самоотречения, и она никогда не узнает и не должна узнать об этом... Я ненавижу каждого, кто подойдет к ней на два шага, – и презираю себя за эту ненависть... И если б она любила прежде – я точно так же ненавидел бы прошедшее, как настоящее, и эта мысль об ее прошедшем меня давит и мучит.

Меня просили играть *им* кадрили – или (к чему бояться слов?) мне только намекнули об этом – и я сел. «Боже мой – вы такой добрый!», – сказала мне Любовь Федоровна: это меня добило окончательно – я вспомнил конфету, которая была мне дана Ниной за мою доброту. И в самом деле – не с ума ли я сошел быть рыцарем?... Но я играл *им* кадрили с каким-то торжествующим самоотречением...

И, может быть, я сам отравляю для себя все, может быть, *они* и в самом деле считают меня почти членом своей семьи, *своим*, что называется?

После меня сел Крюков, а я танцевал с Ниной... – *Vous êtes vierge de la liberté aujourd'hui? – Comment done? – Mais Vous avez les trois couleurs.*²² Она засмеялась... Но зачем мне всегда жужжат в ушах проклятые слова Гоголя: «...или заговорит, что Россия – государство пространное²³»...

Ужин был для меня еще невыносимее, чем у m-me Korsch, накануне Нового года... Я сидел с цеховыми, Кавелин – между двух сестер и говорил целый час без умолку. Несколько раз я почти изменял себе... Ребенок!

¹⁹ *Круг цеховых*. – Круг университетских преподавателей.

²⁰ *Коат-вен – Сю*. – Имеется в виду 4-томный роман Э. Сю «*La vie de Koat-Ven*» (1833); по-русски в статьях его называли «Коатвенская башня»; переведен не был.

²¹ это прилично, по крайней мере (*франц.*).

²² – Вы сегодня дева свободы? – Как это? – На вас ведь три цвета (*франц.*)... *три цвета*. – Намек на знамя Великой французской революции (трехцветное: белая, красная, синяя полосы).

²³ «Чичиков начал как-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалою об его пространстве» («Мертвые души», т. I, гл. V).

Воротился домой в два – и был очень рад, что дядя мой спал. Мне было невыносимо грустно: заснуть не мог до утра – в голове такая чушь – мечты о миллионах – да об эксцентрических подвигах. Рыцарство смешно в наше время, но отчего я не нахожу в нем ничего смешного, ничего невозможного. К чему мне лицемерить перед собою?...

Еще раз – глупо я создан; но не я виноват в этом. В самом деле, моя ли вина, что для меня все сосредоточено в эксцентрическом, что я не могу верить в неэксцентрическое?...

XXIII

Нынче вечером мы долго говорили с Кавелиным о бессмертии. Сначала то, что я говорил, казалось ему делом, но потом – он объявил, что этого его логика не допускает, что надобно иметь на мои доказательства особенную мистическую настроенность... «Тебе надобно жизни, жизни»...

Вот в чем и ошибка-то – он считает меня способным к перемене. Едва ли? Каков я был ребенком, таков я и теперь. Древняя ли история, которую так любил я в детстве, вечно ли изолированная жизнь этому причиною, – но *je suis un homme tout fait*.²⁴ Изменения, которые происходят во мне, происходят по непреложным законам моего личного бытия, да и нельзя их даже назвать изменениями: это все формы одного и того же идеализма. С чего бы я ни начал – я приду всегда к одному: к глубокой, мучительной потребности верить в идеал и в *jenseits*

²⁴ я человек законченный (франц.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.